

© 1996 г.

Ю.Е. РАСТОВ

ПРОТЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РЕГИОНЕ

РАСТОВ Юрий Ефимович - кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой эмпирической социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета.

Вопросы, связанные с ситуацией социальной напряженности в регионах, ростом конфликтности в отношениях между ними и федеральным центром, сегодня весьма актуальны. Вместе с тем эта тема достаточно сложна с точки зрения социологического исследования и анализа. Феномен конфликтности отношений индивидов в конкретном сообществе обладает комплексным системным характером, предстает перед наблюдателем в различных формах, нередко латентных, тесно переплетенных друг с другом. На наш взгляд, изучение перехода социального недовольства в те или иные виды протестного сознания и поведения людей поможет решить ряд теоретических и методологических задач и лучше понять региональную специфику современной России.

В данной статье предпринята попытка рассмотрения степени конфликта населения Алтая с нынешней федеральной властью через призму сознания и поведения, выражающих протест против осуществляемой до 1996 г. социальной политики. При этом в качестве важного вопроса выступает поиск критериев определения предпосылок, форм и уровней проявлений социального протеста населения региона. Исходной концептуальной посылкой исследования взята проблема депривации, т.е. чувства недовольства людей своей жизнью, которое при определенных условиях срабатывает фактором протестного поведения [1].

Чувство недовольства возникает не только и не столько тогда и потому, когда индивиды не обладают чем-то желаемым. Важное значение здесь приобретает сравнение своего положения с положением других, имеющих это нечто, причем для немущих достижение обладания представляется осуществимым, конечно, при условии некоторых социальных перемен. Неудовлетворенность тем выше, чем больше ожидания, подстегиваемые сравнениями социальных субъектов друг с другом, расходятся с реальностью. "Ножницы" между аттитюдами и действительностью, образно говоря, режут сложившиеся определенные связи между субъектами, порождают конфликтность их взаимоотношений. В то же время с учетом происходящих российских перемен допустимы уточняющие предположения. Не исключено, что недовольство социальных субъектов в регионе:

а) детерминируется их сопоставлениями не только друг с другом, но и сравнением своего настоящего положения с прошлым. Отсюда больше других предрасположены к социальному протесту, вероятно, не столько те, кому хуже живется и жилось в материальном плане, сколько те, кто понес за известный отрезок времени наибольшие духовные и материальные потери;

б) проявляется в несвойственных для западных стран и нетрадиционных для недавнего российского общества формах.

Ряд социально-экономических и демографических характеристик свидетельствует о направленности изменений условий жизни в регионе. Так, начиная с 1988 г. здесь рождаемость ниже смертности, что ведет к естественной убыли коренных жителей, прежде всего алтайцев и русских. Тем не менее общая численность населения края в 90-х годах увеличивается за счет миграции. Только в 1994 г. сюда переехало на постоянное жительство 26 тыс. 836 человек, а в первом полугодии 1995 г. - почти 48 тыс.¹ В результате миграции изменяется этноструктура региона: если принять за 100% численность каждой национальности в 1989 г., то обнаружится, что к началу 1995 г. количество алтайцев уменьшилось наполовину, немцев - на 18%, казахов - на 11%, зато русских стало больше на 4%, а представительство кавказских народов увеличилось на 50%, в том числе чеченцев - на 37%, армян - на 11%. Мигранты, естественно, претерпевают определенные социальные тяготы, а их проблемы усиливают давление на общие условия жизни в регионе.

Экономически активная часть населения составляет почти половину жителей - 1 249,3 тыс. При этом 12,7% из них (по состоянию на 1 июля 1995 г.) попадало в категорию безработных (по определению Международной организации труда). Реальный уровень безработицы много выше. Общие размеры скрытой безработицы в крае оцениваются в 16-18% от численности трудоспособного населения при значении аналогичного среднероссийского показателя 8-11% [2, с. 2].

Экономика края традиционно имеет аграрно-индустриальную направленность. Диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, а также на отечественную и зарубежную агропродукцию превратил деятельность большинства предприятий края в экономически убыточную. Кризисное состояние экономики края усугубляется тем, что большая часть его машиностроительных и химических предприятий входила в военно-промышленный комплекс, а работа предприятий легкой (в том числе текстильной) промышленности зависит от поставок сырья из среднеазиатских государств - республик бывшего СССР. К тому же Алтайский край беден энергетическими ресурсами, но располагает энергоемкими предприятиями, что в условиях галопирующего роста цен на нефтепродукты, уголь и электроэнергию ставит его в исключительно тяжелое положение. Все это углубило дотационный характер экономики края, придало ей качества депрессивности.

По данным Аналитического центра при Президенте РФ, регион занимает в России 55-62 места по индексу физического объема производства, по доходу на душу населе-

¹ Эти и последующие цифры, используемые без специальных оговорок, взяты из справочников, изданных Алтайским краевым управлением статистики в 1990-1495 гг.

ния, по комплексу социально-экономических показателей, отражающих развитость промышленности, сельского хозяйства, доходы населения, уровень цен и насыщенности торговли [3, с. 9-16]. Если учесть и прочие характеристики (размер средней заработной платы, количество задержек ее выплаты, госбюджетные долги населению и т.д.), то Алтай займет еще более скромное место в ряду других регионов и последнее среди областей Западной Сибири.

Напомним также, что значительная часть коренного населения пострадала от многолетних ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне. Надземные и подземные взрывы образовали широкий шлейф негативных последствий не только медико-биологического, но и социально-экономического, социально-демографического, психологического и культурного характера.

Таким образом, условия жизни на Алтае значительно хуже среднероссийских. Очевидно, здесь следует ожидать повышенную социальную конфликтность, более высокие показатели социальной напряженности. Это предположение явилось исходной гипотезой серии исследований, проведенных учебно-научным комплексом "Социология, психология и социальная работа" Алтайского государственного университета под руководством автора.

Объектом наших исследований стали жители всех типов поселений Алтая старше 18 лет, которых насчитывается более 1 млн. 900 тыс.

К лету 1995 г. (начиная с осени 1991 г.) нами проведено десять относительно автономных исследований конфликтности населения края. В ходе каждого из них решался свой набор задач, связанных с выявлением очагов социальной напряженности (в административно-географическом, социально-структурном и этническом аспектах), перспектив развития сепаратистских настроений, отношения населения и его социальных групп к определенным действиям федеральной и краевой власти, конкретных причин и обстоятельств массовых конфликтов, рейтингов определенных государственных деятелей, политических партий и их лидеров, перспектив выборов в органы власти и др. актуальных проблем.

Все наши исследования можно расценивать как различные этапы мониторинга социальной напряженности в Алтайском крае. В пользу данного заключения свидетельствуют следующие обстоятельства. Все шесть анкетирований и четыре массовых интервьюирования проводились на основе таких опросных листов, которые совпадают друг с другом (как по содержанию вопросов, так и по вариантам ответов на них) наполовину. Иначе говоря, на каждом новом этапе массового опроса изменилась (с учетом конъюнктуры) лишь часть опросного листа. Выборка респондентов в каждом из десяти массовых опросов делалась по квотному принципу, нацеленному на отбор групп лиц, репрезентирующих население всех типов поселений края по признакам пола, возраста (старше 18 лет), национальности, уровню материального достатка и принадлежности к основным социально-профессиональным группам. При этом действовало правило, по которому третью часть выборки двух непосредственно соседствующих опросов составляли одни и те же лица.

Всего проанкетировано 8 762 жителя края (сюда не включено более 1 200 забранных анкет), проинтервьюировано 7 485 человек. Телефонным способом выявлены мнения 2 466 жителей Барнаула. Опросы по телефону проводились либо в ходе, либо в конце общественно важных событий, способных повлиять на конфликтность населения (октябрьские события 1993 г. в Москве, начало войны в Чечне). В каждом экспертном опросе (они проведены в конце 1992, 1993 и 1994 гг.) участвовали по 100 руководителей органов местного самоуправления (городов, рабочих поселков, сельских районов и отдельных сел), половина которых опрашивалась все три раза². Общее количество обследованных всеми методами жителей края - 18 963, на каждый из 10 этапов мониторинга приблизительно приходится по 1 890 человек.

² В разработке программы и инструментария экспертных опросов участвовал д-р социол. наук СИ. Григорьев.

Таблица 1

Динамика оценок респондентами условий своей жизни (в % к числу опрошенных на каждом этапе мониторинга)

Варианты	Ноябрь	Февраль	Апрель	Май	Июль	Октябрь	Июль	Июль	Январь	Апрель
	1991 г.	1992 г.	1992 г.	1992 г.	1992 г.	1993 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1995 г.
Уровень недовольства:										
очень высокий	5,5	10,5	10,0	12,0	13,0	17,5	18,5	15,5	19,0	28,5
ВЫСОКИЙ	11,0	21,0	23,5	24,0	26,0	28,5	30,5	25,5	34,0	48,0
средний	33,5	38,5	35,0	44,5	40,5	36,0	45,0	40,5	30,0	16,0
низкий	41,0	27,0	30,0	18,5	19,5	10,5	6,0	9,5	3,5	9,0
Недовольства нет	7,5	1,5	1,5	1,0	0,5	3,0		4,0	5,5	1,0
Уклонились от ответа	1,5	1,5			0,5	4,5		5,0	8,0	4,5

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: "Намерены ли Вы протестовать против ухудшения условий жизни?" (в % к числу опрошенных на каждом этапе мониторинга)

Варианты	Ноябрь	Февраль	Апрель	Май	Июль	Октябрь	Июль	Июль	Январь	Апрель
	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1995 г.				
Да, намерен (а)	22,5	28,5	50,5	52,5	49,5	33,3	31,5	20,0	21,5	25,5
Нет, не намерен (а)	75,0	67,5	43,5	45,5	44,5	59,7	66,3	77,0	66,0	58,5
Так как:										
условия моей жизни не ухудшились (терпимы)	30,5	28,5	18,0	16,0	15,0	14,0	12,5	10,5	11,5	9,5
мой протест не улучшит моей жизни	32,5	21,0	13,5	23,5	23,5	38,7	50,5	64,5	52,0	47,0
боюсь последствий	10,0	12,0	9,0	4,0	4,5	7,0	3,3	1,0	2,5	2,0
Иные объяснения	2,0	6,0	3,0	2,0	1,5	-	-	1,0	-	-
Трудно сказать	2,5	3,0	4,5	1,5	4,5	3,5	2,0	2,0	7,5	12,0
Отказ от ответа	-	1,0	1,5	0,5	1,5	3,5	0,2	1,0	5,0	4,0

Данные исследования свидетельствуют о постоянном и устойчивом росте неудовлетворенности жителей края условиями своей жизнедеятельности (табл. 1,2). Незначительное уменьшение показателей недовольства в середине 1994 г. не меняет общей картины. Обратим внимание на небывало высокие проценты недовольных, обнаружившиеся в последнем замере общественного мнения. Трое из каждых четырех опрошенных высказали недовольство высокими степенями.

Сопоставим эти данные с табл. 2. Как видим, намерение протестовать против ухудшения условий жизни бурно росло до середины 1992 г. Затем оно пошло на убыль, но в начале 1995 г. наметились признаки нового роста. Однако показатель ориентированных на социальный протест в апреле 1995 г. (25,5%) вполне сопоставим с аналогичным индикатором 1991 г. (22,5%) и на фоне возросшего недовольства выглядит малой величиной.

Этот факт не может не озадачить исследователей, ибо с позиций концепции депривации он выглядит, по меньшей мере, невероятным. Чем объясняется разнохарактерность отраженных в рассмотренных таблицах тенденций (линейный рост недовольства и волнообразность показателей ориентаций на социальный протест)?

Ответы на эти вопросы представляются весьма важными и нужными, т.к. относятся к разряду ключевых проблем изучения феномена конфликтности населения. Чтобы разобраться в них, нужно прежде всего установить, как понимаются респондентами традиционные для социологических опросов положения о неудовлетворенности условиями жизни и намеренности протестовать против их ухудшения.

В процессе трех пилотажных исследований, шлифуя свой инструментарий, мы выявили следующее. Отвечая на вопрос об удовлетворенности - недовольстве условиями жизни, респонденты подразумевают, прежде всего и главным образом, материально-экономические факторы, независимо от того, в каком виде (общем или уточненном) делался этот опрос. Говоря же о своих ориентациях на социальный протест, они, как правило, имеют в виду далеко не все протестные формы поведения. Ниже мы специально охарактеризуем наиболее часто упускаемые разновидности социального протеста и реальное участие в них населения края, свидетельствующие о принципиальной правоте (не исключающей уточнения) концепции депривации, а, следовательно, необходимости внесения соответствующих корректив в табл. 2.

Сейчас же рассмотрим те формы протестного поведения, которые признаются таковыми практически всеми респондентами. Они обозначены в табл. 3, естественно, в предельно лаконичном виде, но в исследовательском инструментарии им давалось обстоятельное пояснение.

Чтобы точнее оценить значимость данных табл. 3, сравним их с аналогичными, но полученными на основе общероссийской выборки. По данным ВЦИОМ, в 1992 г. 12% россиян были намерены участвовать в митингах и демонстрациях, 9% - в забастовках, 3% - в обсуждениях социально-политической ситуации в трудовых коллективах и по 1% в таких формах протеста, как письма в органы власти, голодовки и вооруженное сопротивление [4, с. 155]. По заключению ИСПИ РАН, в подписании воззваний намерены были участвовать в 1993 г. 32,6%, а в 1994 г. - 26,6%, в митингах - 25,2% и 20,6%, соответственно, в забастовках - 17,3% и 17,7%, в насильственных действиях (по отношению к представителям других политических сил и властей) - 6,3% и 7,7% [5, с. 50].

На этом мы ограничим сопоставление наших данных с общероссийскими, т.к. уже ясно, что характеризующие показатели ориентаций на социальный протест населения Алтая в 1992 г. намного превосходили среднероссийские, а ныне значительно ниже их. Можно ли делать вывод о снижении конфликтности и социальной напряженности в нашем крае?

При желании и политической ангажированности отмеченная тенденция, конечно, может быть представлена в качестве доказательства появления признаков социальной стабилизации. По нашему мнению, такое заключение ошибочно.

Так, в 1992 г.. по заключению наших экспертов, осуществили свое намерение

Распределение ответов на вопрос "В каких формах протеста Вы намерены участвовать в ближайшее время?" (в % к числу опрошенных)

Варианты	Июль 1992 г.	Июль 1993 г.	Июль 1994 г.	Январь 1995 г.	Апрель 1995 г.
Критика действий руководителей в кругу друзей, товарищей по родственникам	56,5	45,0	20,5	16,0	6,5
Устные жалобы и предложения водителям	35,5	25,0	10,0	4,5	2,5
Письменные обращения, сбор под ними	33,3	12,5	5,0	3,5	2,0
Бойкот руководителей	45,5	18,0	15,0	0,7	1,0
Митинги и пикетирования	38,0	28,5	20,0	1,5	1,5
Демонстрации	42,5	30,0	15,5	3,0	2,5
Угроза забастовки	45,0	32,5	25,0	1,5	2,0
Реальная забастовка	19,0	13,5	5,0	2,0	2,0
Публичная голодовка	5,5	1,0	0,5	0,2	0,1
Блокирование дорог	18,0	11,0	6,5	0,1	0,2
Неподчинение органам власти	12,5	5,5	3,5	0,3	1,5
Более решительные незаконные действия (вплоть до вооруженных)	22,5	18,5	9,5	1,0	2,5

Поскольку каждый респондент мог выбрать любое количество форм протеста, сумма показателей некоторых колонок больше 100%.

участвовать в отмеченных формах протеста не более 10% грозивших это сделать. В блокировании транспортных магистралей фактически участвовал лишь каждый 30-й взрослый житель края, в демонстрациях, митингах и пикетированиях - каждый 20-й, в забастовках - каждый 10-й, публичные голодовки были единичными, а вооруженных антиправительственных действий не было вообще. Уменьшение показателей ориентировок на социальный протест в 1993 и 1994 гг. согласно данным соответствующих экспертных оценок, сопровождалось некоторым сокращением осуществленного на это время протеста, но лишь по трем первым позициям табл. 3, т.е. в мягких, "челобитных" формах. Численность пикетировщиков и демонстрантов осталась примерно прежней, а забастовщиков, блокировщиков магистралей и участников массовых мероприятий, оказавших сопротивление милиции, выросла на 8% в 1993 г. и на 12% в 1994 г. (по отношению к предыдущему году). Между показателями намерений протестовать, которые, безусловно, полезно выявлять при оценке социальной напряженности, и реально-протестными акциями - дистанция огромного размера. Не видеть ее - значит вводить общественность в заблуждение.

Но дело не только в этом, более значимо другое обстоятельство. Насколько полон перечень форм социального протеста, на основе которых социологи, политологи и конфликтологи судят о социальной напряженности? Не упускаем ли мы из виду такие виды протестного поведения, которые в современных российских условиях имеют не меньшее, а, возможно, большее социально-политическое значение? Не приукрашиваем ли мы действительность в результате таких упущений?

Попробуем ответить на поставленные вопросы. Первые итоги нашего анализа феномена реанимации идеологии сибирского сепаратизма и роста ее популярности, проведенного в сотрудничестве с красноярскими коллегами, в "Социсе" уже публиковались (1993. № 2). Отметим, что в 1993 - первой половине 1994 гг. наблюдался небольшой спад сепаратистских настроений в регионе. Этому содействовал принятый федеральной властью курс на регионализацию социальной жизни, выразившийся, в частности, в создании "Сибирского соглашения", разработке Устава Алтайского края,

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос "Наши политики спорят о том, как вывести Россию из кризиса. А что думаете по этому поводу Вы лично?" (в % к числу опрошенных на разных этапах мониторинга)

Варианты	Февраль 1992 г.	Июль 1992 г.	Июль 1993 г.	Июль 1994 г.	Январь 1995 г.	Апрель 1995 г.
Россия должна идти тем же путем, который прошли западные страны (США, Германия, Франция и др.). Нужно продолжить проведение реформ, развивающих в России демократию и рыночную экономику капиталистического типа	56,0	36,0	25,0	20,0	14,0	10,5
Россия должна быть социалистической страной, нужно прекратить реформы, ведущие к развитию капитализма, следует вернуться к социалистическим методам хозяйствования и тому политическому устройству, которое было до начала перестройки	16,0	16,0	15,0	13,0	14,0	21,0
Россия - особая страна, ей не подходит ни западно-капиталистический, ни ранее опробованный социалистический путь развития, она должна идти своим специфическим путем, учитывающим духовные ценности россиян, используя соответствующие этим ценностям возможности как капитализма, так и социализма	18,0	27,0	30,0	35,5	53,0	51,5
Иные мнения (китайский путь, шведский путь и др.)	9,0	20,5	13,5	15,5	4,0	3,5
Мне все равно, по какому пути идет Россия	-	-	1,5	4,5	2,0	1,5
Уклонились от ответа	1,0	0,5	5,0	11,5	13,0	12,0

звычайные меры типа поиска злоумышленников, а обычный, но эффективный набор мер нормализации социальных отношений в регионе. При этом нужно иметь в виду и его специфику - тесную переплетенность с национально-патриотической идеологией,

В условиях нынешнего идейно-политического плюрализма усиливается борьба мнений прежде всего по проблеме путей выхода России из нынешнего общего социального кризиса. Население Алтайского края активно вовлечено в эту общенародную дискуссию. О соотношении сторонников и противников основных вариантов дальнейшего развития России будем судить по табл. 4.

Постоянно растущая численность приверженцев национально-патриотического пути развития, противостоящего и рыночно-демократической, и социалистической моделям, нельзя интерпретировать как свидетельство фашизации населения. Среди жителей края, конечно, есть разделяющие экстремистскую идеологию, но, по нашим подсчетам, их не более 3%. Основная масса алтайских национал-патриотов - не русские националисты, а российские патриоты. Среди них немало украинцев, белорусов, евреев, казахов, татар, алтайцев, представителей других этносов. Представительство немцев

в этой идейно-политической группе, например, в 2,5 раза превышает их удельный вес в населении края. Характерно, что межэтнические отношения на Алтае вполне благополучны и не испытывают на себе сколько-нибудь заметного негативного влияния со стороны национал-патриотов. В то же время очевидна тесная связь алтайского варианта российского национал-патриотизма с сибирским сепаратизмом. На протяжении всех этапов мониторинга мы обнаружили всего лишь семнадцать случаев вхождения сепаратистски мыслящих людей в какие-либо иные идейно-политические группы, зафиксированные в табл. 4, кроме национально-патриотической. Иначе говоря, сепаратизм части населения нашего края выступает своеобразным вариантом российского национал-патриотизма, той модификацией последнего, от которого наиболее очевидно пахнет великорусским национализмом. Примечательно, что сепаратистски мыслящие респонденты говорят о вымышленном ими Сибирском государстве как выразителе национальных интересов русских и упрекают современные федеральные власти в нерусскости проводимой политики (как внутренней, так и внешней).

Число приверженцев рыночно-демократического пути, составлявшее в начале 1992 г. большинство населения, неуклонно сокращается. Ныне их гораздо меньше, чем сторонников возврата в социализм (в 2 раза) и национально-специфического варианта развития (почти в 5 раз). Поэтому шансы быть избранными в органы власти в нашем крае наиболее велики у тех политиков, которые предложат программы национально-патриотического содержания, а наименьшие - у демократов, ратующих за западные образцы экономического и политического развития. На выборах в Госдуму в 1993 г. победителем на Алтае оказалась ЛДПР - 26,9% голосов. Для сравнения скажем, что Аграрная партия России набрала 12,6%, КПРФ - 9,6%, ДВР - 10,5%, "Женщины России" - 8,3%, ПРЕС - 5,2%.

Наши данные говорят о разочаровании избирателей во всех партиях, за которые они голосовали на прошлых выборах, но в наибольшей мере - в деятельности партий рыночно-демократического типа. При средних показателях неудовлетворенности политикой "своих" партий (28,8% в январе и 41,3% в апреле 1995 г.) недовольство деятельностью, например, ДВР выразилось, соответственно, в 66,5% и 85,5%. Только за три первых месяца 1995 г. рейтинг Е.Т. Гайдара упал с 6,4% до 3,8%, ГА. Явлинского - с 9,1% до 7,9%, В.С. Черномырдина - с 1,8% до 1,5%, И.П. Рыбкина - с 1,5% до 0,9%, В.Ф. Шумейко - с 1,3% до 0,7%, К.Н. Борового - с 3,6% до 1,9%, А.И. Вольского - с 1,6% до 1,2%. Несмотря на то, что региональные власти в 1995 г. активно поддерживали "Наш дом - Россия", на декабрьских выборах НДР здесь уступил коммунистам, жириновцам, аграриям, заняв лишь 4-е место - 4,92% голосов края.

В то же время предсказуемыми оказались отказы от голосования в декабре, причем в виде и неявки на избирательные участки, и нежелания отдать кому-либо свое "за". Твердое намерение не участвовать в выборах 1995 г. было у 27,7% уже в январе и у 30,5% в апреле 1995 г. Убежденность в необходимости участия в выборах продемонстрировали только 19% в начале 1995 г. и 20,3% три месяца спустя.

Массовый отказ от участия в выборах органов власти свидетельствует, конечно, о низкой политической культуре населения. Но абсентеизм электората можно и должно понимать и как особый вид социального протеста. Видимо, не случаен тот факт, что все (без единого исключения) респонденты, отказавшиеся от участия в выборах Госдумы (как в январе, так и в апреле 1995 г.), вошли в две первых графы табл. 1 и именно они составили соответствующие показатели первой графы табл. 2. Большинство (52%) вариантов ответов на открытый вопрос интервью: "Почему Вы не хотите участвовать в выборах Госдумы?" сводится примерно к следующему: "Если выборы сорвутся, то, может быть, власти обратят внимание на наши проблемы".

А б с е н т е и з м - разновидность "тихого" социального протеста. Его следствия для социально-политической жизни более значимы, чем бурная митинговая активность. Повышенная популярность абсентеистских настроений электората нашего региона - серьезное препятствие на пути прихода к власти тех политиков и партий, которые это препятствие создали.

Кроме уже описанных протестных акций, есть немало иных видов и форм социального протеста. Начиная с середины 1993 г. и по сей день идет по инициативе снизу смена руководителей акционерных обществ, товариществ, кооперативов, фондов, предприятий и органов местной власти. В некоторых акционерных обществах и ваучерных фондах руководители переизбирались по три раза, что далеко не всегда идет на пользу дела. Тем не менее ориентация населения на смену руководства постоянно растет. В июле 1993 г. она была свойственна 12% респондентов, через год - 14%, а весной 1995 - 38%. Корреляционный анализ данных подтвердил предположение, что в этом случае достаточно заметна связь с желанием протестовать против всей системы существующей власти. Протестный смысл имеется и у миграционного поведения: в регионе растут показатели количества не только приезжающих, но и уезжающих в другие области России. Протестный подтекст, вероятно, существует в отказе от выполнения социальных нормативов (уклонение от уплаты налогов), пьянстве, наркомании, суициде и т.п. Наблюдаются групповые увольнения работников по собственной инициативе (или в знак солидарности с уволенными), случаи добровольной отставки от занимаемых должностей.

Оценивая социальную ситуацию на Алтае, можно сделать буквально противоположные выводы. Если исходить из понимания социального протеста и форм его проявления, сложившегося в отечественной социологии, то можно усмотреть признаки смягчения социальной напряженности, преодоления нестабильности. Если же учитывать протестный смысл настроений "сибирского сепаратизма", национал-патриотизма, абсентеизма и иных позиций, то станет очевидной противоположная тенденция, а следовательно, необходимость мер по снижению социальной напряженности. Стоит задуматься.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Stouffer S.A.* The American Soldier. Princeton, 1949; *Merlon R.K.* Social Theory and Social Structure. Free Press, 1957; *Ruinciman W.G.* Relative Deprivation and Social Justice. Routledge and Kegan Paul., 1966; *Marsh A.* Protest and Political Consciousness. London. 1977; *Marsh A.* Political Action in Europe and the USA. London, 1990.
2. *Троцкий Л.Я.* Наш край - наши проблемы // Алтайская правда. 1995. 26 апр.
3. Материалы к сессии Законодательного собрания. Алтайское краевое управление статистики. Барнаул, 1994, август.
4. Правильной ли дорогой идем, товарищи? // Социол. исслед. 1992. № 10.
5. *Назаров М.М.* Политический протест; опыт эмпирического анализа // Социол. исслед. 1995. № 1.